

18+

Голоса Веч

ПРИТЯЖЕНИЕ

Галина Веч
Притяжение

«Издательские решения»

Веч Г.

Притяжение / Г. Веч — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-601904-1

В сборник вошли рассказы и повесть «Замуж по расчёту». Все произведения объединяет одна тема — любовь. Это пронзительные истории о сильных чувствах, переживаемых героинями — девочкой, девушкой, женщиной... чувствах, похожих на цунами. Здесь можно найти ответы на многие вопросы. К примеру, притягиваются ли одинаково заряженные частицы? Можно ли стать счастливой по расчёту? И наконец, что делать, если тебя полюбит песчаная эфа?..

ISBN 978-5-00-601904-1

© Веч Г.

© Издательские решения

Содержание

В ожидании счастья	6
А жизнь прекрасна	7
Бабочка на окне	13
Красиво жить не запретишь	18
Печальная песнь песчаной эфы	22
Притяжение	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Притяжение

Галина Веч

Дизайнер обложки Мария Ведищева

© Галина Веч, 2023

© Мария Ведищева, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-1904-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В ожидании счастья

Тёплый вечер. Мелодия перекликающихся колес. Молодые распахнутые лица, смешные мальчишки, состязающиеся в красноречии. А ей всего семнадцать, и впереди прекрасная жизнь и большие чувства. У неё всё, всё ещё впереди.

Чуть поодаль нежная струящаяся синь его добрых грустных глаз. В них что-то такое, отчего у неё сладко сжимается сердце... И хорошо, так хорошо на душе! В её груди будто горит свеча. И вся она светится. Ни слова, ни единого слова между ними... Но отчего же, отчего переполненный душный вагон кажется необитаемым островом, где только он и она? Бесконечно длинный путь, внезапно превратившийся в миг...

Остановка. Её чемодан в его руке. Озадаченные лица мальчишек. Перрон. Несколько ничего не значащих фраз.

– Вы на каникулы?

– Да.

А в глазах неосознанное до конца – «Я влюблён. Я не хочу тебя терять.» «И я! Хочу быть с тобой».

Долгий, неотрывный, как поцелуй, взгляд. Поезд тронулся. Он как-то потерянно обернулся на набиравшую скорость машину, вскочил на подножку, не переставая глядеть в девичьи глаза... Она, словно оцепенев, неподвижно стояла на одном месте, улыбаясь уголками губ. Беспричинная, тихая радость все ещё не покидала её. Но вдруг отчего-то защемило сердце, будто кто-то невидимый сдавил его своею тяжёлой рукой.

Ритмично стучат колеса, шумно спешат мимо вагоны. И не остановить, не удержать...

А жизнь прекрасна

Он – Квазимодо. У него асимметричные черты прыщеватого худого лица. Неровная улыбка прямых полноватых губ, массивный нос слегка набок. И даже глаза цвета простокваши, казалось, существовали отдельно друг от друга из-за всегда вздёрнутой левой брови. Росточка невысокого, шупленький и весь, словно на шарнирах, одни мослы.

Она – красавица. Правильные черты лица. Тонкий прямой нос идеальной длины, тонкие властные губы, тёмно-синие глаза с очень длинными, прямыми, как стрелы, ресницами. И короткие гладкие волосы, зачесанные на косой пробор. И вся она такая ладненькая, словно фарфоровая кукла.

Таковыми они стали к своим 15 годам. Впрочем, таковыми они были всегда. Время никак не отразилось на их внешности, казалось, оно просто увеличило их в размерах, всё остальное оставив без изменений.

Они дружили с детства. Потому что жили на одной улице, учились в одном классе. Потому что у Витьки Васина, в противовес его жёсткой внешности, был потрясающе мягкий характер. И дружить с ним было одно удовольствие. Покладистый, уступчивый, надёжный. Чего не скажешь о его подруге. Елена, именно так она именовала себя всегда, Трубецкая характером вполне соответствовала своей фамилии. Княжеские замашки появились у неё, можно сказать, с пелёнок. Требовательная и настырная. Даже мать, воспитатель детского сада, удивлялась: откуда что взялось?! Отец, местный участковый, умилялся: моя дочка.

Витька носил её портфель, всюду следовал за ней, выполнял все приказы и распоряжения. Она установила такие правила с первых дней знакомства. Он принял условия безоговорочно.

Они вместе делали уроки. Она помогала ему разбираться с русским языком и литературой – предметы, в которых он не то, чтобы ничего не смыслил, а просто у него был очень плохой почерк. «Как курица лапой пишешь!» – говорила ему мать, полная миловидная женщина, одна воспитывающая сына. В посёлке про неё говорили: нагуляла.

Витька не любил учить правила по русскому и книжки читал не по программе, а интересные. Например, «Трёх мушкетёров» осилил ещё в 3-м классе. А вообще-то он больше читал специализированные книги по физике, в которой был гением, как любил повторять учитель.

Жители небольшого посёлка рабочего типа друг друга хорошо знали. И, конечно, привыкли видеть неразлучную парочку вместе и относились к этому, как к должному. Вот как речка, разделяющая посёлок пополам, не могла быть в их сознании без моста, так и Елена не могла быть без Витьки. И если её видели одну, то, по-доброму улыбаясь, интересовались:

– А где ты рыцаря-то своего потеряла?

Елена хмурилась и отвечала:

– Не ваше дело!

А всякие попытки насмешек со стороны сверстников она прекращала совсем не по-княжески:

– Закрой варежку!

И присовокупляла...

Впрочем, одноклассники, как и все учащиеся средней школы, знали, что шутить с Еленой Прекрасной (такое вот погоняло было у неё) себе дороже. Да никто и не видел ничего странного в этой дружбе. Тем более что нрава Витя Васин был кроткого, никого не обижал, никогда ни с кем не конфликтовал. А то, что Елена Прекрасная командовала им, так это его личное дело. И только Маша Путилова, полная девочка с веснушками, спросила как-то:

«Витя, почему ты позволяешь так с собой обращаться?..»

Он ничего не ответил, криво улыбнулся и отошёл.

А Елена Прекрасная называла его только по фамилии.

«Васин, – говорила она, – принеси водички».

И Витька мчался со всех ног и приносил «княжне» воду в прозрачном стакане.

Он был для неё не только верным рыцарем и оруженосцем, как Санчо Панса для Дон Кихота, он был для неё и «подружкой», ему она доверяла свои девичьи секреты. Она знала: Васин никогда никому не расскажет, в отличие от девчонок, он умел хранить чужие тайны.

Первый раз Елена Прекрасная влюбилась в 15 лет. В мальчика из параллельного класса – Митьку Скворцова, высокого накачанного спортивного паренька с чёлкой набекрень и насмешливой улыбкой на холёном лице. На уроках она всё шепталась с Витькой, на переменах прогуливалась перед Митькиным классом, а после уроков рассказывала Витьке, как Митька на неё посмотрел, что сказал. А потом она стала с Митькой встречаться. Но скоро он ей надоел. И уже Митька бегал вокруг да около, только Елена Прекрасная больше не обращала на него внимания.

«Да ну его на фиг!» – сказала она Витьке, и они опять стали ходить после школы вместе.

Но сердце Елены Прекрасной недолго пустовало, она снова влюбилась. И предметом её тайных, а потом и явных воздыханий стал снова юноша атлетического телосложения, спортсмен-перворазрядник, футболист. И ещё один, и следующий...

А когда появился Вовка Михеев, который учился на класс выше, она присмирела. Вовка был вполне себе во вкусе Елены. Длинноногий, узкий в бёдрах и косая сажень в плечах. Тёмно-русая густая шевелюра и тёмно-зелёные, как омуты, глаза.

Сначала они возвращались домой после школы втроём. Михеев с Еленой Прекрасной шли впереди, увлечённо о чём-нибудь беседуя, а Витька плёлся позади, таща на себе два – свой и Елены – портфеля.

Дорога шла мимо жилых домов, огороженных деревянными заборами палисадников, с зелёными насаждениями, цветами, черёмухой, потом перепрыгивала через мост. А дальше троичка сворачивала на тропинку, петлявшую по берёзовой роще, и тут нужно было идти почти что гуськом, и Витька совсем отставал.

И как-то незаметно влюблённая парочка начала обходиться без него. У Витьки появилось столько свободного времени, что он не знал, куда его девать. И он пошёл в спортзал. Записался во все секции сразу. Начал играть в волейбол, футбол, увлёкся бегом и прыжками в высоту, да так ловко это у него получалось, что скоро он стал завоёвывать призовые места, и не только на поселковых, но и на районных соревнованиях. Он накачивал себе мышцы штангой. Но самых больших успехов достиг в боксе, со временем почти всех своих противников он стал отправлять в нокаут.

Тело его вытянулось в длину и налилось мышцами, словно спелое яблоко. Витька стал замечать на себе восхищённые взгляды девушек, они даже пытались заигрывать с ним. И только Маша Путилова относилась к переменам, происшедшим с ним, как-то безразлично. Она смотрела, как и раньше, немножко мимо него. А Елена Прекрасная и вовсе, казалось, не замечала этих перемен. И никак не относилась к ним. А вернее, относилась так, как будто это само собой разумеется. Для неё он оставался тем же, кем и был. Васиным. «Васин!» – по-прежнему то и дело помыкала она им. Хотя дружба с Вовкой Михеевым на редкость получилась затяжной.

Пришла последняя в их школьной жизни весна. С журчанием ручейков, со звонкой птичьей трелью, с обалденным цветением черёмухи, с дурманящим запахом!.. Весна совсем вскружила голову Елене Прекрасной, которая стала ещё прекрасней. Её глаза светились, словно подсвеченные яркими вспышками солнца. Этот свет обжигал Витьку, порой он чувствовал себя пожухлой травой в её огненном свете, но и оторваться не мог. А вернее, Елена не отпускала его от себя, даже, может, сама того не желая. Это была мучительная и восхитительная для него весна.

Но вот всё позади. И весна, и экзамены. Паспорт в кармане. Аттестат зрелости получен. Прощай, родная деревенька! Нет, посёлок. Да какая разница! В город, в город! В Барнаул! Да здравствует новая, полная приключений жизнь!

Витька хотел поступать на физмат, но Елена Прекрасная не на шутку разнылась:

«Васин!.. Куда я без тебя?! Я ж ни одного экзамена не сдам... Ты – мой счастливый талисман!»

И он вслед за ней подал документы в медицинский институт, хотя первоначально Елена Прекрасная хотела поступать на филфак в пединститут, но взяла и резко поменяла «мечту». Разгадка проста: в мед она пошла следом за Михеевым.

Учились. Витька по-прежнему занимался спортом. Елена Прекрасная была неразлучна с Михеевым. Первый курс дался нелегко всем троим.

Летом студенты разъехались. Елена Прекрасная, а вернее, Трубецкая с Михеевым – в одну сторону, Витька – в другую – на краевые соревнования по боксу.

Он выиграл два боя. Оставался финальный поединок, когда его пригласили к телефону.

«Васин, – простонал слабый голос. – Он бросил меня... я умираю».

Витька сорвался с места. И даже не подумал о том, что подводит тренера, команду, вуз, за который выступал. Он не думал, да и не мог думать о последствиях в эту минуту. Он думал о ней. О Елене Прекрасной. Он сходил с ума от одной лишь мысли, что она действительно может умереть. Что её не станет. Тогда умрёт и он.

Это был не единственный случай, когда он нёсся её спасать по первому зову. По одному взмаху прямых ресниц он оказывался возле неё, словно добрый волшебник. Когда Елена ссорилась с Михеевым и начинала хандрить, она вызывала к себе своего верного рыцаря. И он был рядом до тех пор, пока у неё всё не налаживалось.

На этот раз в тоне Елены послышалось такое отчаяние, которое не оставляет никаких иллюзий. И он помчался к ней на всех парах.

Елена жила на Черёмушках, в квартире своей родственницы, которая уехала в длительную командировку на Север. Витька на правах друга и вечной няньки имел свои ключи. Он тихонько открыл дверь и прямо в обуви быстро прошёл в зал.

Елена лежала на диване, тупо уставившись в потолок. В руке у неё была почти пустая бутылка вина.

– А, Васин. Привет, – сказала она тусклым голосом, как будто не ожидала увидеть его здесь, как будто и не позвала сама.

Она отхлебнула из бутылки и посмотрела не на Витьку, а как бы сквозь него. Глаза её лихорадочно блестели, волосы были всклокочены, губы перекосились в пьяной усмешке... Но даже в этом состоянии она была прекрасна.

– Васин! Он меня бросил!..

– Вы не в первый раз уже ссоритесь, помиритесь, – сказал он мягко и забрал у неё бутылку.

– Ты не понимаешь!.. Это навсегда! Он гуляет с этой лахудрой Нинкой с фармфака!.. Я не хочу больше жить.

Увидев лезвие на столе, он понял, что она собиралась вскрыть себе вены.

– Я не смогла... – прошептала Елена горько и завывала в голос.

Волна жалости захлестнула его, он обнял её, осторожно прижал к себе. Она плакала, уткнувшись ему в плечо.

Неделю он ходил за ней, словно за ребёнком, вытаскивая из пропасти, пока наконец не почувствовал, что опасность миновала. Елена Прекрасная вернулась в нормальное состояние. Вот только глаза блестели такой страдальческой синью, что Витьке было больно смотреть.

«Ва-си-ин! Как жить?..» – повторяла она каждый раз при встрече с ним.

И он решил.

Это был необычный день – день рождения Елены. Витька купил огромный букет её любимых чайных роз и отправился к ней.

На пороге застыл от неожиданности. У Елены были гости: человек десять однокурсников.
– А, Васин! Проходи, – сказала Елена Прекрасная и улыбнулась своей печальной улыбкой.

Гости воззрились на него с нескрываемым интересом. Он несколько секунд молча стоял на одном месте, словно пригвождённый.

«Ну и пусть!» – сказал он себе и решительно шагнул к Елене.

Отдал ей букет, поцеловал в щёку и, картинно встав на колено, протянул ей коробочку.

Все замерли.

– Что это? – спросила с улыбкой ошеломлённая Елена.

– Выходи за меня! – сказал Витька.

– О-о-о-о! – пронеслось восхищённое по комнате.

– Неслабо, – сказал худой и длинный, как фитиль, Олег Сизов.

Елена Прекрасная сдвинула бровки домиком в недоумении, до неё, кажется, не доходил смысл происходящего.

– Ты с ума, что ли, спятил, Васин?

Он встал с колен и, глядя ей в глаза, признался:

– Лена, я люблю тебя. Я любил тебя всегда, с самого детства. Разве ты не видела?.. Для тебя я пошёл в спортзал. Ради тебя поступил в институт. Всё, что я делаю в своей жизни, только для тебя и ради тебя!..

По мере того, как он произносил свою пламенную, годами выстраданную речь, недоумение на лице Елены Прекрасной усиливалось. Брови уползли наверх, а глаза стали круглыми.

– Выходи за меня замуж. Я сделаю тебя самой счастливой женщиной на свете!.. – закончил Витька.

– Ты?! Ой, Васин, не смей мои подковы!.. – И она засмеялась так заливисто и счастливо, словно бы прорвало плотину её печали.

И все заржали.

Витька растерянно стоял, бессмысленно глядя на ликующих товарищей. В ушах у него звенело от неумного этого веселья.

Он резко повернулся и бросился прочь. Как сквозь туман услышал знакомый капризный голос:

– Васин! Ты куда?! Вернись! Немедленно!..

Но Витька даже не оглянулся. Он выскочил на улицу и побежал по тротуару. Из всех сил. Будто за ним гнались.

В голове гудело, он ничего не соображал. И будто какая-то сила сама занесла его (как – непостижимо!) на крышу девятиэтажки.

Он подошёл к самому краю. Постоял. Поглядел вниз на сумеречный город, подсвеченный зажёгшимися уже фонарями. Распластал руки, словно крылья. И... полетел...

...Он задумчиво смотрел в окно. Сколько жизни вокруг! Природа просыпалась от зимней спячки. На берёзах нежно зеленели недавно вылупившиеся из почек листочки. Птичий радостный гомон улаждал слух. Весна! Как он любил это время года! Начало новой жизни.

– Виктор Петрович! К вам пациентка... Трубецкая, – доложила худенькая медсестра в белоснежном приталенном халатике. – Пригласить?

– Пускай подождёт немного, – сказал он мягко и взял трубку телефона.

Набрал номер, послушал.

– Ало, Маняша! Как там Петька? Шалит? Хорошо. А как мои любимые пирожки с капустой? Готовы? Хорошо, хорошо. Скоро буду! Целую, родная! – Лицо его озарила счастливая улыбка.

Положив трубку, он нажал кнопку и сообщил медсестре, что готов принимать.

Елена Прекрасная вошла стремительной походкой, небрежно бросила кожаные красные перчатки на кресло, сняла шляпу с широкими полями. И стрельнула прямыми ресницами, удлинёнными тушью.

– Васин! Что за свинство?! Ты заставляешь даму сидеть возле двери?! – возмущённо сказала с порога.

Он помог снять ей кожаное стильное пальто. И пригласил присесть.

– Елена! Ты, как всегда, прекрасна! – сказал он, радушно улыбаясь.

– Васечкин, ты мне льстишь. Ты знаешь, зачем я пришла.

– Даже и не думай, и не проси. – Замахал он на неё руками. – Ты и так прекрасна. Исправлять твоё лицо – только портить.

Она посмотрела на него внимательно и отметила про себя, что Васин возмужал и стал даже хорош собой. И прежние его несовершенства каким-то непостижимым образом превратились в достоинства. Черты лица подчёркивали мужественность, и от всего его облика исходила невероятная мужская сила.

– А ты изменился, – задумчиво произнесла Елена Прекрасная.

– Ну, уж так и изменился?..

– Ой, Васин, не заставляй меня жалеть о том, что когда-то не разглядела тебя пристально, – не без кокетства произнесла она.

– Что было, то прошло, – сказал он просто. – Пластику я тебе всё равно делать не буду. И не уговаривай.

– Ну давай, хотя бы губы подкачаем, а? – Елена попросила ласковым голосом, заглядывая ему в глаза. – Витя, ко мне Михеев вернулся, – добавила она, и глаза её до краёв наполнились светом.

– Хорошо, Леночка. Запишись на любое удобное для тебя время у медсестры.

– Спасибо, Витя. Ты настоящий друг.

Она поцеловала его в щёку и выпорхнула из кабинета. А он встал и опять подошёл к распахнутому настежь окну.

– Господи! Как жизнь всё-таки прекрасна! – воскликнул Виктор Петрович, вдыхая свежий воздух.

А ведь всего этого могло не быть. Всё могло оборваться двадцать лет назад, в тот день, когда он решил шагнуть в бездну с крыши девятиэтажного дома. Если бы не... Если бы не оказался в ту минуту в том месте обычный бомж по имени Славик.

В тот тёплый июльский вечер, на Витькино счастье, Славик вылез на крышу, днём какая-то сердобольная женщина положила ему в шляпу полбуханки хлеба, пачку печенья и пакет кефира, и Славик решил поужинать, любуясь закатом.

Он пировал в закутке, как вдруг увидел, что мимо него пронёсся парень с безумными глазами и замер возле самого краешка пропасти.

Сразу почуяв неладное, Славик последовал за ним, тихо ступая по крыше босыми ногами. Он подкрался к пареньку, когда тот, раскинув руки, собирался сигануть вниз. Славик подскочил и, ухватив за рубашку, сдёрнул его назад.

Виктор от неожиданности упал, сильно ударился затылком и потерял сознание.

Очнулся он в больнице на третьи сутки. Первой, кого увидел сквозь мутную пелену, была... Маша Путилова.

Как она оказалась здесь?.. Как узнала?! Для него это и по сей день остаётся загадкой.

Маша не отходила от него ни на шаг. Она говорила с ним, кормила его с ложечки, рассказывала новости, читала вслух... А потом он понял, что без этой девушки не может обходиться и дня, понял, что любит её. И сделал предложение.

Уже много лет они счастливы в браке, у них пятеро детей. Маша оказалась той единственной женщиной, которая смогла сделать его счастливым. И, как выяснилось, она полюбила его ещё в школе. А он не за-ме-чал!..

Славика сначала чуть не посадили за попытку убийства. Но теперь уже Витька его спас. В прямом, да и во всех остальных смыслах. Помог ему восстановить документы, посодействовал в устройстве на работу. Потом, когда открыл своё дело, забрал его к себе, в косметологическую клинику, водителем.

«И всего этого могло не быть!» – сказал Виктор Петрович сам себе уже в который раз за день.

Накатившая волна воспоминаний немножко растревожила душу.

Он посмотрел вниз. И увидел её, уходящую.

Развернулась, подняла голову вверх, придерживая шляпу рукой. Увидела его, улыбнулась, махнула перчаткой и продолжила свой путь.

Он задумчиво смотрел ей вслед.

Она была всё также прекрасна, Елена Прекрасная. И годы ничуть не изменили и не испортили эту красоту. Они даже придали ей больше пикантности.

Он смотрел ей вслед спокойно и равнодушно. Её красота не волновала его больше, а была, словно картина в музее: любовался, да и только.

Душа его до краёв была наполнена другой женщиной – его Машей, Машенькой, Машуней. От её полноты на него веяло добротой и лаской, а от веснушек пахло солнышком. Она вся – от макушки до ногтей на пальчиках была родная. Плоть от плоти.

Виктор встрепенулся, быстренько набросил на себя плащ и шляпу, и поспешил домой, где его ждали дети, жена и пирожки с капустой.

Бабочка на окне

Ссора возникла на пустом месте. Из ничего. Из одной фразы, брошенной в досаде мужем.
– Тебе, что, трудно приготовить ужин?..

– Трудно, – призналась Юлия. – Я плохо себя чувствовала. И день провела в обнимку с унитазом.

Юлия находилась на пятом месяце беременности. И до сей поры её мучил токсикоз. Она не выносила резких запахов, ела мало, да и то, что съедала, выходило наружу незамедлительно. Такова была биологическая особенность её организма.

На учёт по беременности она ещё не успела встать, так как приехала вместе с мужем из деревни от мамы недели две назад, а до этого сдавала госы в другом городе, где она с мужем жила до переезда на север. Она доучивалась на очном отделении педагогического института, и прописка у неё была ещё тамошняя. Оттуда выписалась, а здесь ещё не прописалась, вот и затянула с посещением гинекологии.

Она много потеряла в весе, казалось, видимо, и сессионное напряжение, была бледной и худющей, от былой пышности остался не по сроку огромный живот, да на опавшем лице горели глазищи редкого тёмно-синего цвета.

– Ты всегда плохо себя чувствуешь! – в сердцах воскликнул Олег.

Он, начиная с того момента, как узнал о беременности, выполнял все капризы жены, старался, как мог, не обижать, понимать, помогать. А его-то кто-нибудь когда-нибудь поймёт?! У него сегодня был очень тяжёлый день. Они чинили высоковольтную линию электропередач, да ещё главный энергетик, который ничего не понимает в этом деле, наорал. С работы Олег пришёл на взводе – уставший, голодный. А тут, как всегда... Не прибрано (да это уж бог бы с ним) и – ничегошеньки пожрать! А жёнушка лежит на диване с книгой в руках. И даже не поднялась навстречу.

Ещё недавно, во время её преддипломной практики они жили вместе с её родителями, она тогда была намного ласковее и внимательнее. Теперь же, когда переселились в отдельный вагончик, куда что делось?

Недовольство женой по капле копилось в его подсознании, но он старался подавить раздражение. И вот сегодня не сдержался... Он тоже не железный!

Таким Юлька мужа ещё не видела. Он никогда не повышал на неё голоса.

– Не ори на меня! – в тон мужу сказала она.

Но он уже не мог остановиться. Его занесло, как на повороте.

– Могла бы э-ле-мен-тар-но макароны отварить?! – навис над Юлией накаченный высокий муженёк, буравя её карими глазами.

Юлия отпрянула, испугавшись злой гримасы, искажившей до неузнаваемости, прямо обезобразившей, красивое лицо мужа. Её опять начало тошнить.

– Нельзя было, – ответила Юлия, обиженно поджав по-детски припухлые губки.

– Да, что ты, как попка, повторяешь за мной... – зарычал вконец взбесившийся муж. – Разговаривай нормально, по-человечески, – посоветовал он жене.

– Я пытаюсь. Ты не слышишь меня, – парировала Юлия.

– Ты вообще перестала готовить, стирать, убирать... в доме полный бардак, – сыпал обвинения Олег.

– Ты же знаешь, как мне плохо! Меня замучили тошнотики, постоянно рвёт, я не могу ничего есть... У меня всё время кружится голова... я только встану с кровати, как тут же опять падаю без сил...

Жена говорила спокойным менторским тоном, словно училка заученный текст... И это взбесило его ещё больше. Уж лучше бы она на него наорала, что ли!..

– Я уже это слышал! Одни и те же отговорки, – зло сказал он, скидывая рабочую одежду и надевая домашнюю футболку и трико.

– Ты не понимаешь, что ли, плохо мне было сегодня, – опять попыталась пробиться к сознанию мужа Юлия, – я вообще не могу в таком состоянии ничего делать.

– Я пришёл с работы! Голодный! А у тебя тут конь не валялся! ты целый день на кровати... и палец о палец не стучишь... Зачем, ну, скажи, зачем мне такая жена?! Которая ничего не делает! – заорал Олег, не выбирая выражений.

– А ты сам-то?.. Зачем ты! мне нужен?! – обиделась Юлия. – Ты совершенно не помогаешь мне! Всё готов свалить на меня!.. Даже мусор не можешь самостоятельно вынести!.. Ну, не смогла я приготовить ужин!.. И что теперь?! – сорвалась на крик и Юлия, потому что муж, игнорируя её слова, ушёл на кухню.

Взаимные упрёки и оскорбления, обрастающие новыми обидными подробностями, становились всё тяжелее, снежным комом надвигаясь на супружескую пару, они грозились разрушить их союз, скреплённый цепями Гименея всего лишь год назад. Кризисная, говорят психологи, дата, между прочим. Период узнавания друг друга и привыкания. К новому образу жизни, к тому, что надо считаться с мнением другого человека. «Притирка» друг к дружке. В этот период супруги ещё готовы раздуть из мухи слона.

– Да у тебя всегда было так!!! Ты просто никчёмная баба. Неумёха и лентяйка! – вопил из кухни совсем потерявший над собой контроль Олег.

Через минуту он уже стоял на пороге, глотая, не прожёвывая, бутерброд с колбасой.

– А ты... ты... ты... – задыхалась Юлия от обиды и возмущения и подыскивала слово пообиднее. – Ты просто не мужик!..

– Что-о-о-о?! – взревел Олег, надвигаясь на Юлию...

И тут у Юлии случился страшный позыв на рвоту. Она быстро, насколько позволяло её положение, соскочила с дивана и, зажав рот рукой, побежала вперевалочку к унитазу, опершись по дороге о живот посторонившегося мужа. Успела. И там шумно изрыгнула остатки немногочисленной пищи. В желудке ничего уже не было, кроме горькой слюны, а она всё ещё корчилась и рычала над унитазом.

Потом открыла кран, набрала в рот холодной воды, подержала, согревая, и, побулькав немного, выплюнула.

Олег молча наблюдал за женой.

Юлия вышла из вагончика, в котором они жили на улицу, опустилась на большое круглое ошкуренное бревно, служившее им вместо лавочки.

Олег, следовавший за ней, присел рядышком.

– Это неправда, – тихо возразила Юлия.

Сердце её будто окаменело от обиды и жалости к себе.

– Что не правда? – не понял муж.

– То, что ты говорил про меня...

– Правда, чистая правда, – сказал он нормальным голосом, в котором пробивались тёплые нотки.

– Обвинения напрасные, совершенно необоснованные, – чуть не плача пробормотала Юлия. – Просто ты меня не любишь, – добавила она полувопросительно.

Муж молчал.

– Тогда нам незачем быть вместе, – обронила фразу, и сама испугалась.

Муж молчал.

– Рубикон перейдён, мосты сожжены. Я ухожу от тебя, – произнесла она мёртвыми губами почти шёпотом.

Он с любопытством посмотрел на неё. И с деланным равнодушием насмешливо сказал:

– Иди.

И она пошла. А он продолжал сидеть на брёвнышке, склонив голову. И смотрел ей вслед. Она чувствовала этот взгляд. Он прожигал её насквозь.

Она шла медленно. Всё ждала: вот сейчас окликнет, позовёт. Она мучительно вслушивалась в шумное биение сердца, которое стучало, почему-то в голове. И из-за этого не было слышно никаких других звуков.

Юлия дошла до дороги. Ей казалось, что Олег идёт следом за ней. И сейчас, вот сейчас окликнет её. Догонит, обнимет за плечи и скажет: «Любимая, ну хватит душить. Я погорячился. Прости меня!»

Не оглядываясь, она медленно шла вперёд: мимо дома свекрови, через дорогу. И скоро двигалась уже вдоль балков – временного жилья строителей – в сторону железнодорожного вокзала.

Олег всё не проявлял себя никак.

И тогда она развернулась всем корпусом.

Ни-ко-го!!!

Юлия испытала настоящий шок. Она была уверена, что он идёт позади неё. Как он мог!!! Отпустить её в такое время. Одну. Беременную. С огромным животом, в котором живёт их ребёнок, которого они успели полюбить!

Юлия вспомнила, как муж нежно прикладывал голову к животу и слушал, как малыш пинается... Они всё гадали: кто же там: мальчик или девочка. Конечно, Олег мечтал о сыне.

Надвигались сумерки. Юлия зябко поёживалась. Лёгкое шёлковое платьице не спасало от вечерней прохлады. Юля обнимала живот и ласково шептала разбуянившемуся в животе человеку:

– Потерпи, малыш, всё будет хорошо. Всё у нас с тобой будет ха-ра-шо.

Что теперь делать?.. Куда идти?! Возвратиться она не могла. Раз он вот так отпустил её, значит, действительно, не любит. Всё кончено.

Мимо балков, мимо рожицы она брела, как в тумане. Когда пришла на вокзал, было уже темно. В плохоньком старом здании с трудом нашлось для неё место на лавочке. Было много народу. Духота давила.

Где-то на самом доньшке души ещё теплилась надежда: а вдруг Олег ищет её?! И вот сейчас в проёме обшарпанной вокзальной двери появится он: высокий, стройный, красивый, растерянный. Придёт и заберёт её с малышом отсюда, из этого кошмара...

Но скоро все надежды растаяли, как утренний туман. Никто их не искал. Никому они были не нужны.

Туалета в здании вокзала не оказалось. И она, ёжась от холода, сходила по нужде с какой-то сердобольной женщиной, согласившейся проводить её.

Юлия просидела всю ночь на вокзале, не сомкнув глаз и дрожа от холода в летнем шёлковом платьице. С ней не было ни документов, ни сумочки – ничего.

И тут она поняла, что никогда не простит мужа. Не простит ему этого чудовищного предательства. Того, что он сделал с ней. Она твёрдо решила: жить с ним больше не будет! Заберёт необходимые вещи и уйдёт. Куда глаза глядят.

Едва забрезжил рассвет, Юлия побрела к вагончику – к их дому.

Нет, не было теперь их дома, был его дом, совершенно чужой. И Олег был теперь такой чужой и далёкий.

Юлия вошла тихо. И начала собирать сумку. Настроенная решительно, она была готова ответить на нападки мужа, который наверняка будет обвинять её и орать: где была?.. Почему ушла... шалава... и так далее. А она ему скажет, что отныне он не имеет на неё никаких прав.

Тарабанил во всю включённый телевизор. Олег мирно храпел на кровати. Она собирала вещи.

Вдруг он открыл глаза и увидел её.

«Сейчас я ему всё скажу!» – холодно подумала Юлия.

Он молча встал, подошёл, и... заключил её в тёплые объятия.

Стоял так и молчал.

– Отпусти, – сказала она ледяным голосом.

– Ук-ку, – промычал он, не расцепляя рук. – Я соскучился!

И стал целовать её горячо и нежно. Юлия отталкивала его, говорила, что всё кончено, что она уходит от него. Он не слушал, а вырваться из его огромных сильных, как у медведя, лап, она не могла.

– Никуда никогда я тебя не отпущу, слышишь, – сказал он, целуя всё горячее и нежнее.

Она равнодушно поддалась его ласкам, а сердце оставалось каменным.

– Не могу я без вас, – шептал Олег.

– Тогда почему же ты не искал меня... нас? – спросила она страдальческим голосом.

– В смысле?! – не понял он.

Отстранившись, он посмотрел ей прямо в лицо, словно впервые увидел.

– В прямом! Почему ты нас не догнал, не искал?.. Мы с малышом целую ночь провели на вокзале...

– Как на вокзале?! Не может этого быть!!! Я думал, ты пошла к моим родителям. Ты же туда направлялась?..

– Нет, мы были на вокзале... всю ночь...

Глаза Юлии, блестящие, словно агаты, до краёв наполнились слезами. И вот они покапались по её лицу. А он стал целовать эти мокрые полоски.

– Прости меня, девочка моя. Я просто осёл... какой же я осёл... Я люблю тебя, – шептал он ей в самое ушко.

И в этот момент, как будто нарочно, телевизор голосом Юрия Антонова запел любимую их с мужем песню.

*– Я прошу тебя сумей забыть
Все тревоги дня
Пусть они уйдут и, может быть,
Ты поймёшь меня...*

«И зачем всё это было? – запоздало думала она, лёжа в объятиях мужа. – Все эти страдания... Было... Было и прошло, оставив зарубку на сердце. Скандалы, конечно, случались и раньше. Но никогда они ситуацию не доводили до полного абсурда, как на этот раз... И винить некого, кроме самой себя...»

И тут она заметила бабочку с той стороны окна. Бабочка часто-часто махала крылышками, словно хотела прорваться через стекло к ним в комнату. Но потом, видно, передумала. И упорхнула по своим важным делам.

Бабочка была очень красивая. И Юлию вдруг охватило такое ощущение, будто у неё в душе порхают бабочки.

– Прости меня, – сказал Олег, заглядывая в тёмно-синие, как омуты, глаза жены. – Я был не прав.

– Нет, это ты прости меня, – ответила Юлия тихо. – Это я была не права. Я могла бы потихоньку приготовить тебе что-нибудь на ужин...

– Нет, я виноват. Я набросился на тебя, как... ненормальный. Ну я же не зверь какой, я же понимаю, что тебе тяжело...

– Нет-нет, совсем не тяжело... ну иногда бывает так, что... но всё равно... Я постараюсь быть хорошей женой.

– Это я постараюсь быть тебе хорошим мужем. Чтобы ты была всегда счастливой и никогда не плакала. Он провёл тыльной стороной руки по лицу жены и поцеловал её.

– Я люблю тебя.

– И я. Люблю. Давай никогда не будем ссориться.

– Не будем переходить Рубикон и сжигать мосты?! Согласен.

А голос волшебный, мягкий, обволакивающий всё лился с телеэкрана:

– Гляжусь в тебя как в зеркало до головокружения,

И вижу в нём любовь мою, и думаю о ней.

Давай не видеть мелкого в зеркальном отражении,

Любовь бывает долгою, а жизнь ещё длинней...

Красиво жить не запретишь

Лёгкий летний ветерок гулял по саду, шелестел кустами сирени и смородины, заигрывал с ветвями деревьев, забегал на открытую веранду, выскальзывал через узкие щели дачных ворот на улицу и там продолжал веселиться, гоня забытый кем-то целлофановый пакет.

Праздничный стол накрыли под самой яблонькой, посаженной и выращенной заботливыми хозяевами. Светлана и Виктор Громовы – оба родом из деревни, хотя давно уже стали городскими жителями. Отучившись в политехе, работали на заводе инженерами. Всё у них в жизни складывалось хорошо, по плану. И квартиру двухкомнатную получили от завода, как многие семьи советского времени. И двоих детей вырастили. И дачей этой обзавелись сразу, как только появилась возможность.

Сегодня Громовы праздновали день рождения Светланы. Как всегда, на даче собралась обычная компания: школьная подруга Светланы, Зоя, и три семейные пары – приобретённые по жизни друзья. Да ещё дальняя родственница Виктора, Наталья со своим мужем, они были моложе остальных, их юность выпала на шальные, как говорят теперь, девяностые. Была и молодёжь – дети и внуки собравшихся – от 16 до 20 лет.

Посидели хорошо, весело. Закуски было много, пили мало. Шутили, вели непринуждённые разговоры, как это бывает в давно сложившихся компаниях. Плясали под ритмичные мелодии отечественных и зарубежных исполнителей, пели под гитару.

Незаметно спустились с небес сумерки. Притихли слегка уставшие и разморённые гости, настроенные на лирический лад, и сама природа, кажется, замерла перед наступлением ночи, дыхание которой уже ощущалось. И только слышно было стрекотание цикад.

– А как нынче молодёжь поживает, чем дышит? – прервал повисшее было молчание Борис – грузный седовласый мужчина, старый друг Громовых, выбившийся в начальники. Несмотря на жару, он был в рубашке тёмно-синего цвета и при галстук.

– Живём помаленьку, дядь Борь, – ответил за всех юных голубоглазый красавец Жека, как его называли в своём кругу.

– Вот именно, что помаленьку, – буркнул недовольно Борис. – Я в ваши годы уже на заводе пахал, и семью завёл, и ребёнок у нас уже родился... А вы всё – по-ма-лень-ку. Эх, вы!.. Молодёжь...

– Боря, не заводись, – осадила его жена Клава, полная противоположность мужу – худая и длинная, как жердь.

– Дядь Борь, мы же не лохи какие-нибудь, – заступился за товарища коренастый Сергей, буравя оппонента маленькими смышлёными глазами. – Семья и всё такое... это будет. Со временем. А пока нужно брать от жизни всё! Всё, что она, жизнь, может тебе предложить. Нужно насладиться свободой. Правда ведь, Веруня? – Он приобнял очень привлекательную и хорошо одетую девушку с пышной грудью.

Вера передёрнула плечами и отмахнулась от него. По молодёжной компании прокатился смешок. И непонятно было, поддерживают они точку зрения своего приятеля или нет.

И тут вдруг в разговор вступила, стоявшая в сторонке Наталья:

– Хотите взять от жизни всё, говорите?! – выступила она вперёд. И все невольно залюбовались статной женщиной с чистым без единой морщинки лицом, синие глаза которой горели факелом. – Вот я вам расскажу сейчас историю, применительно к девизу «Бери от жизни всё!», – продолжила она, – а вы уж потом сами судите: что да как...

Мы, три девчонки, приехали в город из соседних деревень поступать в педагогический институт. Жили абитуриентами в одном общежитии: я и две неразлучные подруги Ольга и Тамара. Так получилось, что мы все завалили один и тот же экзамен – историю. Что ж было делать? Забрали документы, и устроились на моторный завод. Нам дали места в общежитии.

Меня определили в четырёхместную комнату на третьем этаже, а подружки мои по несчастью, поселились напротив, в двухместном номере. Тут-то и выяснилось, какие они всё же были разные. По всему: не только по внешности, но и по внутреннему содержанию. И главное – по отношению к жизни.

Тамару, а вернее, Томку, как называли её в общежитии, как подменили. Из такой же скромной девочки, как Ольга, она превратилась в женщину вамп. Покрасила волосы в жгуче чёрный цвет, даже с каким-то синеватым оттенком. В отличие от нас стала пользоваться дорогой косметикой. Подводила глаза чёрным карандашом, наносила зелёные тени, подкрашивала длинные ресницы качественной тушью, отчего они становились ещё длиннее, доставая почти до смолистых красиво изогнутых бровей. Вдобавок ко всему она красила губы тёмно-красной помадой...

Прелестно сложена, роста хотя и среднего, но тонкая в талии, с красивыми ногами и аккуратной грудью. И одевалась модно: короткие юбки, стильные куртки... И это в наше-то время, время сплошных дефицитов!..

Она была очень красивая, Томка. Просто роковая женщина! Парни так и липли к ней.

Рядом с рабочими общагами располагалась ментовская, извините, школа. Так эти молоденькие пацаны бегали в наше общежитие к девчатам. У кого-то и серьёзные отношения случались, а кто-то так, позабавиться, поразвлечься хотел.

На Томку западали вполоборота, толпами ходили за ней. Она получала столько внимания! Мы даже не сомневались в том, что она выберет самого лучшего парня – возможность у неё была. Уж кто-кто, а она устроиться в жизни сможет. Меняя мальчиков, как перчатки, Томка жила легко, весело, будто и не задумываясь о завтрашнем дне. Когда она запиралась в комнате с очередным ухажёром, Ольга приходила ко мне, сетовала на подругу. Не нравилось ей Томкино поведение.

«Томка, что ты делаешь со своей жизнью?!» – спрашивала Ольга подругу.

Та лишь отмахивалась и смеялась в ответ.

«Ничего вы, девчонки, не понимаете» – говорила она.

А ещё любила повторять:

«Один раз живём на свете. Надо брать от жизни всё!!! Надо прожить её так, чтобы не было мучительно больно...» – дурачила она и залиристо, звонко, хохотала.

Так, что и мы уже иногда начинали сомневаться в выбранных ценностях.

Несмотря на свободу и жизнь рядом с такой раскованной подругой, как Томка, серая мышка Ольга так и осталась «девочкой из деревни».

Через некоторое время на неё обратил внимание Николай – худенький паренёк из соседнего цеха. Ничего особенного, Томка бы на такого и не взглянула даже.

Они стали дружить и вскоре поженились. Кстати, Николай оказался хорошим человеком из приличной семьи.

А я поступила в институт и уехала из рабочего общежития. Долгое время я вообще ничего не слышала о своих подругах.

Но вот однажды я встретила Ольгу, у которой к тому времени уже подрастали двое симпатичных карапузов. Она нисколько не изменилась, не испортило материнство ни её фигуры, ни характера. По-прежнему спокойно глядела она на мир небольшими, но такими яркими от внутреннего света глазами, что на неё было радостно смотреть. Что муж хороший достался, определить можно было сразу – по всему Олиному виду, по счастливому выражению лица, по тому, с каким достоинством и в то же время радушием она держалась.

Начались расспросы: что да как? Вспомнили то время беззаботное, когда мы были совсем юными. И Томку... И вот что рассказала мне про неё Ольга.

Один из мальчиков-милиционеров влюбился в Томку до беспамятства, ходил за ней по пятам, прощал ей всё. А она помыкала им, смеялась над его чувствами: то приблизит его,

даст надежду, то грубо прогонит. Парень чуть жизни из-за неё не лишился, но нашлась какая-то девушка, отогрела его своей любовью, спасла.

Случилось и Томке влюбиться, да так, что дыхание у неё перехватывало. Теперь уже она ползала у ног возлюбленного, вымаливала любовь... И теперь уже он смеялся над нею. Да к тому же оказался наркоманом. Не знаю уж, как там у них происходило, только Томка вроде бы тоже начала принимать наркотики. Парень тот умер. На Томкино счастье, хоть и грех так говорить.

Вроде утихомирилась она. Потом, ходили слухи, за богатого замуж вышла. Одевалась, как королева, из-за границы не вылезала... Красиво жила. Жизнь, вроде бы наладилась, всё было так, как она мечтала. А потом что-то там случилось, развелась она с олигархом. Но быстро нашла ему замену, при её-то красоте, одна никогда не останется.

Она по-прежнему, была на высоте. И следовала своей заповеди брать от жизни всё.

– Я слышала, – сказала Ольга, – что и с другим мужем ей не пожилось.

Да, не повезло нашей красавице с мужьями, повздыхали мы с подругой юности.

– Да что за неё беспокоиться? Кто-кто, а Томка справится! Вот увидишь, найдёт она своё счастье! – успокоила меня Ольга.

Вот и всё, что я узнала. А потом дорожки наши опять надолго разошлись. Ольгу-то я больше и не встречала ни разу. Слышала, что всё у неё хорошо. Дети уже выросли, выучились. И у них всё нормально.

И вот недавно, буквально года два назад, я ездила в родную деревню к родителям. Вдруг слышу кто-то меня окликает:

– Наташа!

Я обернулась, подходит ко мне старушка какая-то – худая вся, лицо испитое, всё в глубоких морщинах – и говорит:

– Здравствуй, Наташа!.. Неужто не узнаёшь?..

Я мучительно вглядывалась в потёртые жизнью черты, и что-то в них было до боли знакомое... Но узнать я не могла.

Тогда она сказала в отчаянье:

– Это же я, Томка...

Честное слово, поверить этому я не могла. Настолько она не была похожа на себя прежнюю. Я никак не могла понять: куда же красота её делась?! И не изработалась ведь, жила в своём удовольствии. А вот поди ж ты... Я просто лишилась дара речи от такого несоответствия прошлого настоящему.

«Господи, – подумала я, – а мы ведь ровесницы!..»

Наверное, на моём лице отразилась вся гамма чувств, растерянность... потому что Томка криво усмехнулась и сказала:

– Что ж ты так смотришь?.. Жалеешь меня?! А не надо меня жалеть! Пускай я прожила – а я уже прожила – короткую, но красивую жизнь. Я получила всё, что хотела! Я была на такой высоте, что вам и не снилось! А вы-то что видели?! Дети? Дом? Работа? И это жизнь?! – она горько как-то ухмыльнулась, развернулась и, сгорбившись, пошла прочь.

А я стояла и смотрела ей вслед. И не могла произнести ни слова.

Потом я узнала новые подробности из жизни Тамары. В браке с олигархом она жила припеваючи, родила двоих детей. Да бросила его, даже дети не остановили её! Убежала на Канары со смазливим партнёром мужа, влюбилась, говорят, вот и снесло ей башню-то. Муж поначалу сильно переживал, умолял её вернуться, да куда там! Разве Томку остановишь в поисках красивой жизни. Он развёлся с ней, и женился на обычной совсем домашней женщине, которая и воспитывает теперь Томкиных детей. Томка молодца того бросила ради очередного толсто-сума и красивой жизни, но вскоре тот бросил её, и она связалась с пьющим. Он и приучил Тому к спиртному, алкоголизм быстро сломил её. Так наша Томка сначала выбирала шикар-

ных и богатых, но жизнь ни с кем построить не смогла, а в погоне за «Бери от жизни всё!» – и то, что было, растеряла.

Возможно, она и взяла от жизни всё. А вот унести не смогла – состарилась до срока. И стоило ли оно того?..

...Над верандой, со всех сторон окутанной плотной тьмой, нависла тишина. Призадумалось старшее поколение, притихла и молодёжь. Ещё сильнее стало слышно, как стрекочут цикады, да залиvisto и нежно (завораживающе!) поёт соловей о любви и красивой жизни.

И вдруг налетел внезапный порыв ветра, он зацепил стоявший на краешке стола хрустальный бокал с вином и с размаху грохнул его об пол. Хрусталь с красивым прощальным звоном рассыпался на мелкие стёклышки, заставив вздрогнуть чувствительных дам.

– На счастье! – сказала хозяйка и, улыбнувшись мужу, принялась убирать со стола грязную посуду.

Все оживились и засобирались на ночлег.

Печальная песнь песчаной эфы

Олег замер на месте. В трёх метрах от него находилась... змея! Он заметил её не сразу, она почти сливалась с песком. Приподняв голову, гадюка настороженно наблюдала за ним. Он не сводил с неё глаз.

За эти мгновения, показавшиеся ему вечностью, он успел рассмотреть рептилию. И узнал её. Это была красивая, песчаная эфа. Её туловище светло-жёлтого цвета с золотистым оттенком украшали светлые пятнышки и бурые точки, сливающиеся в полосы. От хвоста до головы тянулся тёмный зигзагообразный узор, на боку – светлая ломаная линия, на голове – рисунок в виде крестика.

– Привет, – промолвил, наконец, еле слышно Олег.

– Привет... – будто что-то прошуршало, может, ветер?..

Подивился Олег и, помолчав немного, обратился к эфе мягко:

– Не бойся! Я не сделаю тебе ничего плохого. Не обижу! Давай расстанемся мирно, по хорошему, и каждый пойдёт своей дорогой. Хорошо?

– Хорошо... – прошелестело в ответ.

В следующую секунду эфа двинулась бочком, смешно выбрасывая сначала голову, а следом – туловище.

Зашуршало, зашелестело...

«Послышалось», – подумал Олег, облегчённо вздыхая и вытирая пот со лба.

Он знал, какой опасной была встреча. При всей своей внешней привлекательности и неординарности эфа, представитель семейства гадюк, считается одной из самых ядовитых змей в мире. Её укус смертелен.

– Ты, что стоишь, как истукан?

Громкий голос товарища по экспедиции заставил Олега вздрогнуть.

– погоди, не шуми, Артём, – сказал он миролюбиво, – тут такое дело...

– Что? Ну что опять?.. Да говори уже, не томи! – затараторил приятель.

– Да я вот тут пообщался кое с кем, – ответил Олег, задумчиво глядя на убегающую вдаль песчаную насыпь.

– Ну и с кем же? – насмешливо спросил Артём.

Проследив за взглядом Олега, он ничего не заметил. И с раздражением усмехнулся, мол, что за фантазии? Что опять придумал? Разыгрывает, наверное.

Внешне они сильно отличались друг от друга. Артём, коренастый, с глазами пуговками, с ёжиком на голове, Олег – худой и длинный, как фитиль, с пронзительными синими глазами. А вот в остальном, они были, что близнецы-братья. Их связывала обычная студенческая дружба. Энергия была из них ключом, заводили на курсе, они постоянно соревновались в остроумии, хохмили, разыгрывали однокурсников, порой, жестоко. Знакомились с девушками. Были в меру циничны, и к жизни относились беззаботно.

Взглянув ещё раз в том направлении, куда устремил свой взор Олег, Артём рассмотрел на сыпучей песчаной поверхности косые полосы.

– След эфы! – присвистнул он.

Перед тем, как отправится в летнюю экспедицию в Среднюю Азию, студенты исторического факультета Московского университета, прошли специальный курс подготовки, на котором рассказывали, в том числе, и о подстерегающих на просторах Ферганской долины, где им предстояло вести раскопки, опасностях. И песчаная эфа была одной из главных среди прочих.

– Что ж ты её упустил! – в сердцах воскликнул Артём.

– О чём ты? – не понял Олег.

– Всё о том же!

Артём пошёл по следам эфы, внимательно вглядываясь далеко впереди себя.

– Стой! – окликнул его Олег. – Остановись, говорю тебе!

Он догнал товарища.

– Ну чего тебе? – рассеянно спросил Артём, не оборачиваясь.

– Зачем преследуешь эфу?

– Её надо выследить и уничтожить.

– Как ты это сделаешь? Голыми руками? – иронично сказал Олег.

– И верно, – согласился Артём.

Они повернули в обратную сторону.

– Ты знаешь, что эфа сама на людей не кидается, – напомнил Олег приятелю. – Нападает она только в том случае, когда человек спровоцирует её.

– Вот-вот!.. А если кто-то из нас нечаянно на неё наступит? Или просто в двух шагах пройдёт мимо, а ей покажется, что на неё покушаются... И тогда, всё! Заказывайте музыку. Почти мгновенная смерть!

– Ну не такая уж и мгновенная, – возразил Олег. – Только через несколько часов. А тебя вообще никакой яд не возьмёт! А если серьёзно, не надо рот разевать, просто смотреть под ноги внимательно.

– Нет, ну, ты понимаешь, какой это риск?..

– Но искать её специально, чтобы убить... По-моему, это уж слишком. Не гуманно как-то, – усмехнулся Олег.

– Гуманист нашёлся, – сплюнул Артём косо.

* * *

С тех пор, как в долине появились люди, песчаная эфа находилась в постоянном напряжении. Жила она себе и жила в этой долине спокойно и размеренно много лет. И её родители, и прародители жили здесь. А вот прапрабабушка... Её, когда та была маленькой, привёз сюда из Северной Африки змеелов. Этим фактом весь их род гордился.

В отличие от большинства других змей, эфа много двигалась, всю долину исползала вдоль и поперёк. И не только днём, иногда и ночью – когда её собратья предпочитали спать, она охотилась за насекомыми – любимое лакомство. Мелких грызунов эфа не любила. И не любила общения. Была гордая, независимая и предпочитала одиночество, которое её несколько не тяготило, скорее, наоборот. Свобода была ей дороже всего.

А вот к ней за советом обращались. Несмотря на её молодость, обитатели животного мира в долине относились к эфе с почтением. Уважали за мудрость, храбрость и справедливость. Хотя, по правде сказать, ничего особенного она ещё не совершила, так, по мелочам: пару раз приструнила гюрзу да помогла выбраться из лап лисы зайцу...

Почтительное отношение передалось песчаной эфе по наследству. Ещё прапрабабушка, прибывшая сюда из Африки, установила здесь свои порядки. И эта пальмовая ветвь переходила из поколения в поколение. Эфу побаивались. Знали её крутой нрав. Если что не по ней, может расправиться с обидчиком запросто и яд в ход пустить... Но до такого пока не доходило, зарвавшиеся животные вовремя останавливались.

Ходили слухи, что однажды эфа укусила человека. Об этом тихо шепталось зверье. Случаев таких здесь было немного, змеи избегали двуногих. И эфа в глазах собратьев поднялась ещё выше.

Теперь, когда в долине появились люди, натянули брезентовые мешки, куда прятались на ночь, и стали перекапывать долину лопатами, эфа не находила себе места. Во-первых, боялась за своё будущее потомство, о котором пока лишь мечталось. Во-вторых, люди ограничивали её свободу. Эта долина принадлежала ей.

Как поведут себя люди?.. Приходилось всё время быть начеку. Сегодня произошла первая встреча с человеком. Он не сделал ей ничего плохого. И она отпустила его с миром. Более того, эфа поймала себя на мысли, что парень с такими удивительными глазами, похожими на небо, ей симпатичен.

* * *

Заступив на пост рано утром, с рассвета зарывшись в песок между двух зелёных ветвистых кустов, эфа вела наблюдение за десятком людей, копошившихся в земле. «И чего они там ищут?» – думала она, глядя на мелькавшие лопаты.

Эфа заметила, что все люди были молодые и весёлые. Утром они разделись по пояс, а к обеду накинули на себя рубашки с рукавами, защищаясь от нещадно палящего солнца. На головах у многих были пилотки из газет, а некоторые обматывали голову полотенцами.

Эфа обратила внимание, что среди студентов-археологов (она много чего поняла из их разговоров, и такое понятие, как археология, впервые услышанное ею, усвоила) было две девушки: маленькая темноволосая пышная хохотушка, которую называли Лолой, и высокая стройная блондинка по имени Вероника. Парни галантно ухаживали за ними, старались друг перед другом завоевать их расположение.

Молодые люди смеялись непонятным эфе шуткам и казались совсем не опасными. Иногда они выкапывали странные предметы и осторожно укладывали их в специальный ящик. И выглядели при этом очень довольными.

Эфа недоумевала: зачем они собирают всякую ерунду?

За то время, что наблюдала за людьми, эфа привыкла к ним, и они даже понравились ей. Особенно тот паренёк, с которым повстречались в долине. Эфа слышала, как его называли приятели, и повторяла теперь это имя: Олег.

Она с удовольствием смотрела на происходящее в нескольких метрах от неё. Её внимание больше всего привлекал Олег. Чаще всего её взгляд был прикован именно к нему. Он очень красивый! И добрый.

Эфа ужасно злилась, когда Олег оказывал знаки внимания Веронике. Даже зашипела от ярости. И выдала себя!

Артём схватил лопату и с криком:

– Змея! Бей её! – бросился к эфе.

Олег моментально подскочил и преградил ему дорогу. И не дал обойти себя, схватив за руку, в которой была лопата.

– Не делай этого, Артём, – сказал тихо Олег, глядя в налившиеся от злобы кровью глаза приятеля.

Подскочили другие ребята, пока разобрались, в чём дело, эфа уже была далеко.

– Ты опять всё испортил, – процедил сквозь зубы Артём. – Да, что с тобой вообще происходит-то? Что на тебя опять нашло?!

Он не узнавал сокурсника, да Олег и сам не узнавал себя. Если бы ещё месяц назад кто-нибудь сказал ему, что он с лопатой в руках будет защищать змею, он плюнул бы ему в лицо.

Вероника поддержала Олега.

– Эфа ничего плохого нам не сделала, – сказала она тихо и посмотрела на Артёма сквозь пушистые ресницы.

* * *

Эфа не приближалась к лагерю несколько дней. Наблюдала за раскопками издали. Потом подползла поближе. И очень обеспокоилась, когда не обнаружила в яме Олега.

Свой пост она не покинула до самого глубокого вечера. Вот уже и студенты скрылись в палатках, она всё лежала, не шевелясь.

И только когда на небо высыпали звёзды, она сдвинулась с места.

* * *

Олег проснулся от непонятного шума. Прислушался.

В углу палатки шуршало.

Он открыл глаза. И прямо напротив себя увидел... песчаную эфу.

Она, не мигая, смотрела ему в глаза завораживающим взглядом.

Страх не было. Олег подумал, что это галлюцинация из-за температуры. Ну не заползла же эфа в его палатку в самом деле?!

Накануне Олег почувствовал себя плохо, у него поднялась высокая температура. Он весь день отлёживался. Спасибо Веронике – вечером она дала ему таблетку аспирина и напоила чаем с малиной. Он думал, что дело идёт на поправку, а тут галлюцинации – эфа!

Олег дёрнул рукой, отмахиваясь от непрошенной гостьи, как от наваждения.

От неожиданного взмаха эфа вскинулась, издав угрожающее короткое шипенье.

Олег тоже подскочил, стряхнув остатки сна.

Так, замерев, они напряжённо вглядывались друг в друга. Наконец, эфа, почуввав, что ей ничто не угрожает, расслабилась. Отлегло от сердца и у Олега. Он понял, что змея его не тронет.

– Привет, – сказал он и услышал ответное приветствие.

И подумал, не сходит ли с ума. Разговаривает со змеёй...

Эфа уложила голову на хвост и грустно посмотрела на Олега.

– Не переживай, – обратился Олег к эфе, – всё хорошо. Сегодня встану на ноги. А ты иди! Иди домой! Нельзя, чтобы тебя здесь увидели. Испугаются. Ещё обидеть могут.

Эфа послушно, бочком двинулась к выходу. Оглянулась. И нырнула под полог.

На следующий день Олег уже был на месте и участвовал в раскопках, чем порадовал затаившуюся эфу.

И тут до неё долетели обрывки фраз: «совсем немного осталось... надо поспешить... должны всё закончить... обязаны... послезавтра придёт машина...»

«Уезжают!» – поняла эфа, и очень расстроилась.

Казалось бы, она должна радоваться тому, что люди уходят из её долины, но... Разволновалась, вскинула голову, заелозила в кустах, да так, что чуть было снова не выдала себя. Печально ползала она вблизи раскороченной земли, когда студенты отправились на ночлег.

* * *

Олег проснулся среди ночи, почувствовав присутствие эфы. Он пробежался взглядом по всей палатке, но не сразу увидел её. Он обнаружил змею... у себя в ногах. Вздрогнул, но быстро справился с собой.

Эфа печально смотрела на него немигающим взглядом.

– Привет, – поздоровался Олег, глядя на неё с нежностью, как на старую добрую знакомую. – Ты опять пришла ко мне в гости. Я рад. Ты хорошая, – сказал он, подтягивая колени к подбородку.

Эфа встрепенулась и радостно зашуршала.

«Прямо, как кошечка», – подумал Олег, а вслух сказал:

– Мы завтра уедем. Живи спокойно.

Эфа вновь встрепенулась, зашуршала, зашипела.

И шуршание это, вместе с шипением, было похоже на пение, в котором слышалась печаль.

– Не грусти, – обратился он снова к эфе. – Всё будет хорошо. Через год мы снова приедем сюда на раскопки. Тогда и увидимся. Но ты лучше не попадайся людям на глаза, хорошо? Они ведь не знают, какая ты... Не знают, что умная. Что не можешь обидеть человека просто так...

Снаружи послышались голоса, кто-то подходил к палатке.

– Прячься, – сказал Олег эфе.

Эфа скользнула за рюкзак. Человек и змея замерли, прислушиваясь. Вот голоса приблизились. И... стали отдаляться. Олег с облегчением выдохнул.

– Иди к себе, – ласково сказал он змее.

Эфа двинулась к выходу. Перед тем, как выскользнуть наружу, она обернулась.

– Прощай, эфа, – сказал тихо Олег.

– Прощай, – шипящим эхом откликнулась змея.

– Может, свидимся когда, – добавил он.

Эфа кивнула и покинула палатку.

Студенты отметили окончание раскопок весело. Немного выпили, разожгли костёр неподалёку от лагеря и до утра пели песни под гитару.

С рассветом прибыл автофургон. Свернув пожитки, они быстро погрузили всё. Затем с шутками-прибауткам расселись в машине сами.

Олег тоже подхватил рюкзак, собранный накануне, но немного замешкался. Он пристально вглядывался вдаль, осматривая песчаное пространство кустик за кустиком. Но эфы нигде не было.

– Прощай, песчаная эфа, – сказал он и улыбнулся светлой грустной улыбкой.

– Не по своей ли змеюке грустишь? – с иронией спросил Артём.

Студенты весело засмеялись. Начали беззлобно подшучивать. Что, мол, вот потеряли друга, нашёл себе невесту-змеищу в долине... и всё в таком же духе.

– Да ну вас, – отмахнулся Олег. – Мели Емеля, твоя неделя...

Олег не обращал никакого внимания на подколки товарищей и вскоре они притихли. Ухабистая дорога, заунывная песнь мотора, плюс ночь без сна сделали своё дело, многих сморило. И только Олег заснуть не мог. Он смотрел на проплывающий мимо пейзаж ферганской долины. И думал о том, что там в этих кустах, за этими холмами, в расщелинах гор, дымившихся вдалеке, обитают представители животного мира. У них течёт бурная жизнь, со своими законами, радостями и горестями. Черепахи, суслики, ежи... и песчаная эфа. Они, как и люди, умеют радоваться и печалиться. И он впервые за двадцать с лишком лет ясно представил себе этот мир. Мир, в котором обитают с нами по соседству братья наши меньшие. И эта расхожая фраза вдруг стала понятна Олегу.

Вероника тоже смотрела вдаль, думая о чём-то своём. Во время экспедиции она, кажется, по-настоящему влюбилась. В Олега. Он сидел сейчас рядом с ней, и в то же время был очень далеко от неё. Несмотря на это она знала, чувствовала, что нравится Олегу. Он ухаживал за ней наряду со всеми парнями, но именно между ней и Олегом пробежала искра. Они не афишировали своей взаимной симпатии, особые друг к другу отношения. Это была их тайна.

* * *

Зоя Александровна к возвращению сына из экспедиции испекла пирог с сёмгой, который он очень любил. Вообще она не часто баловала домочадцев пирогами. Учитель истории, общественный деятель, она редко бывала дома, как и её супруг, хирург от бога, Иван Ефремович Курилов, пропадавший в своей больнице днём и ночью. Так что Олег рос парнем самостоятельным и независимым.

– Олежек! – Зоя Александровна обняла сына, затем отодвинулась, оглядывая его со всех сторон. – Загорел, возмужал! Похудел... Ну как там в долине?.. Пойдём, я пирог твой любимый испекла, – она говорила без пауз, не дожидаясь ответа на свои вопросы.

Усадила сына за стол. Прилетел попугай, единственный представитель фауны, которого родители разрешили сыну держать в доме. Попугай сел Олегу на плечо и сказал:

– Ура! Олег приехал!.. – и добавил: – Кеша хорроший! Кеша хорроший!

– Хороший, хороший! – Олег погладил Кешу по яркому оперенью.

Зоя Александровна налила чаю, поставила пирог.

– Ты ешь, сынок, – сказала она. – А мне на собрание надо бежать. Встретимся вечером, тогда и поговорим.

Она убежала. Олег с удовольствием умял пирог, запивая горячим цейлонским чаем. Пообщался со своим питомцем. И пошёл к себе в комнату, прихватив тяжёлый рюкзак, который решил разобрать сразу, не откладывая в долгий ящик. Но тут перед его мысленным взором встали прекрасные зелёные глаза Вероники, и он решил сначала позвонить ей.

– Привет, – сказал он в трубку.

– Привет! – услышал в ответ Вероникин голос, который не спутал бы ни с каким другим на свете.

– Как ты? – задал риторический вопрос, ведь они расстались всего какой-то час назад.

– Нормально. А ты... как?

– Всё хорошо. Я соскучился, – признался он.

– Мы ведь только что были рядом, – рассмеялась она счастливым смехом.

– Всё равно. Я теперь буду скучать по тебе каждую минуту, – признался он.

На том конце провода помолчали. Потом с очень серьёзной интонацией прозвучало:

– Я тоже, – и Вероника повесила трубку.

Олег с мечтательной улыбкой прилёг на заправленную кровать. И только через несколько минут вспомнил, что надо разобрать вещи.

Он раскрыл рюкзак и остолбенел. Из брезентового нутра робко выглядывала голова песчаной эфы.

У Олега подкосились ноги, он буквально сел там, где стоял, хорошо, что рядом оказалось кресло.

Несколько минут Олег и эфа настороженно смотрели друг на друга. Первым опомнился Олег.

– Что же мы теперь будем делать, эфа, – прошептал, думая при этом: «Что же ты наделала, глупенькая змейка?!»

Он чувствовал, как эфа напряжена и это не могло его не пугать.

Эфа немного расслабилась, виновато опустила голову.

– Ладно-ладно, – примиряюще сказал он, – что-нибудь придумаем. Вылезай.

Эфа с опаской выползла из рюкзака, огляделась и юркнула под кровать.

«Чем же я буду тебя кормить?», – подумал Олег.

И отправился в зоологический магазин. Купил змейке всё, что там ему предложили.

Эфа съела, он налил ей воды и молока – не отказалась.

Так они и зажили. Олег ходил на занятия, а Эфа ждала его дома. Кешу он в свою комнату не запускал, тот находился в клетке в зале, вылетал оттуда только по вечерам, когда все собирались дома. А родители давно уже привыкли не заходить в комнату сына без него.

Олег возвращался из института, кормил эфу, которая поразительно быстро освоилась в новых условиях обитания, рассказывал ей студенческие новости. Она внимательно слушала, свернувшись в кресле клубком. Поведал он и о своих чувствах к Веронике, но эфа проявила беспокойство, и он не стал больше посвящать ядовитую подругу в свои любовные дела.

Спала эфа под кроватью, но иногда забиралась в постель к Олегу, любила засыпать у него в ногах.

Зоя Александровна обнаружила эфу через несколько дней. Как-то вечером она вошла в комнату сына и от неожиданности завизжала что было мочи:

– Змея-аа?!.. Змея-а-а-змея-а!!! – пронзительно кричала она срывающимся голосом, прижавшись к стене, не в силах сдвинуться с места.

– Всё в порядке, мама, успокойся, – уговаривал её Олег. – Это песчаная эфа, она не причинит тебе зла. Ты только не делай резких движений.

Прошло некоторое время, пока мать смогла рассуждать более-менее спокойно.

– Откуда взялась здесь змея, – потребовала она объяснений. – Может, ты расскажешь, наконец, в чём дело?!

– Я привёз её из ферганской долины...

– Ужас какой! – воскликнула Зоя Александровна тихо. – Просто невероятно! Зачем?! Она ведь очень ядовитая, её укус смертельный...

– Мама, она ничего плохого не сделает. Эфа очень умная. Ты, главное, не обижай её, не делай лишних движений, чтобы она не подумала, что ты собираешься на неё напасть.

Мама внимательно рассматривала змею из-за плеча сына.

– А она красивая, – сказала, наконец, и через силу улыбнулась. Олег увидел, как спало напряжение с эфы. – Пойдём сынок, – позвала мать, – поговорим на кухне, – и выскользнула в дверь. Олег последовал за ней.

– Олег, нам надо что-то с этим делать. Хотя ты и говоришь, что она не может причинить никому вреда, но, ты должен понимать, поведение животных непредсказуемо. Откуда ты знаешь, ведь может случиться так, что в один прекрасный день что-нибудь выведет её из себя... И тогда произойдёт непоправимое. Потом будешь локти кусать всю жизнь.

Мать предложила купить специальную клетку и держать змею там. Олегу ничего не оставалось, как согласиться.

Эфа не стала противиться новшеству, постепенно она обжила свой новый домик. Ведь по вечерам и ночью она могла свободно передвигаться по комнате и общаться с Олегом.

Эфа с обожанием подолгу, не отрываясь, смотрела, как Олег сидит за книжками. И очень скучала, когда его не было дома.

Олег продолжал встречаться с Вероникой, он много и часто рассказывал ей о своей питомице.

– Ты можешь смеяться, но я понимаю её, мы с ней разговариваем, – признался он как-то, заглядывая в глаза девушке.

Вероника и не думала смеяться. Она любила его, и верила ему. Но постоянные разговоры об эфе вызвали у девушки неожиданную ревность к змее. Однажды она в шутку сказала, что он эфу любит больше, чем её.

– Не выдумывай, – не согласился Олег и обнял Веронику. – Если бы я был змеем, то да, тогда, конечно, – весело добавил он, и рассмеялся.

Родители Олега подружились с эфой, правда, общались с ней только, когда она была в клетке. Эфа тоже привыкла к ним, и вела себя совершенно спокойно, когда они входили в комнату. Родители даже разговаривали с ней мирно, змея отвечала. Но они не понимали её, слышали лишь шипение, вполне миролюбивое.

Забавные отношения сложились у эфы с Кешей. Он, конечно же, однажды проник в комнату к Олегу. Очень удивился присутствию змеи. Сначала возмутился. А потом они подружились, хотя и часто спорили. Ссоры исходили от Кешы, который очень любил себя, а эфа над ним подтрунивала.

Как-то вечером Олег пригласил Веронику к себе. Родителей не было дома, и влюблённая пара хотела провести этот вечер наедине.

И вдруг раздался звонок. Вероника от неожиданности вздрогнула. Олег открыл дверь. На пороге стоял Артём и ещё два приятеля-однокурсника, с которыми они вчетвером частенько прогуливали лекции, находя себе более интересные занятия. И девчонки – Лола и Маша.

– Ага! – заорал Артём. – Прячетесь! От всех! – и отгеснив Олега, бесцеремонно прошёл в прихожую. Приятели последовали за ним.

– Слушайте, ну вы тихушники! – Лола обняла Веронику.

– Да ещё какие! – подхватила Маша.

– Да уж! – встрял Артём. – Мы вообще друга потеряли.

Честная компания по привычке ввалилась к Олегу в комнату. Олег был бледен, как полотно. Но не препятствовал вторжению. Не останавливать же силой.

Гости увидели эфу почти сразу. Девчонки взвизгнули и слегка попятнулись, спрятавшись за спины парней. Повисла пауза.

– Эфа живёт у нас, – постарался как можно спокойнее сказать Олег. – Не бойтесь, она в клетке. И не сможет причинить вам вреда.

– Та самая? – хмыкнул Артём.

– Она, – подтвердил Олег.

– А как она сюда попала, – удивлённо вскинула бровки Лола.

– Обыкновенно. Забралась в рюкзак, и вот так вот оказалась здесь.

– А ты не боишься, что она кого-нибудь тятнет? – зловеще произнёс Артём.

– Да ладно, – осмелели парни, – смотри какая она смиренькая.

– А мы к вам не с пустыми руками, – сказал низкорослый Федя и достал из внутреннего кармана куртки бутылку красного вина.

И ещё откуда-то, словно фокусник наколдовал, появилась пара бутылок.

– За тобой, Олежа, закусон.

– Сейчас что-нибудь найдём, – смутился Олег и позвал Веронику на кухню.

Оттуда притащили бутерброды с колбасой и сыром, огурчики маринованные и свежие, помидоры, порезанные на кружки.

Выпивали, смеялись. Артём приблизился к клетке и стал поддразнивать эфу.

Эфа начала волноваться.

– Не дразни, – строго сказал Олег.

– Да ладно, подумаешь... Опять змеюку защищаешь! А ты изменился, дружок, с тех пор как змею повстречал. Тусовок избегаешь...

– Да просто некогда тусить, за учёбу вон взялся, хвосты исправил, – смутился Олег. – Кстати, и тебе не мешало бы их подтянуть.

– Обойдусь как-нибудь без твоих советов! Ты друзей на змею променял, – зло прокричал Артём прямо в глаза другу. Все замерли, словно перед грозой, поняв, что шутки кончились. Девчонки с испугом смотрели на Артёма и Олега, которые стояли друг против друга на взводе. Ещё секунда и начнут махать кулаками.

– Нет, ну, правда, из-за какой-то змеюки друзей забросить, – ухмыльнулся Артём, переходя на шуточный тон. Он повернулся к змее и обозвал её непристойно. Эфа зашипела и приподнялась.

– Отойди, – сказал Олег тихо, но весомо.

– Да ладно. Я что? Я ничего. Смотри, только ты не пожалей.

Обстановка немного разрядилась. Молодёжь расслабилась. Весело защебетали подвыпившие девчонки. Включили музыку. Стали танцевать. И никто не заметил, как Артём вновь оказался возле взволнованной от музыки змеи и стал дразнить её.

Эфа в ярости заметалась по небольшому пространству, сковывающему её движения. Она готова была разнести клетку.

Олег и Вероника танцевали в дальнем углу. Заметив неладное, они, не сговариваясь, бросились к клетке. В то же мгновение эфа ударила хвостом с такой силой, что дверца распахнулась...

Змея кинулась на обидчика. Время словно бы замедлилось... Артём не раздумывая спрятался за Олега. Эфа уже летела и ничего поделывать не могла. И тут в последний момент Олега закрыла собой Вероника, и весь яд, предназначавшийся Артёму, достался ей.

Молодёжь с визгом бросилась из комнаты вон.

Олег подхватил Веронику, потерявшую от боли сознание, и на руках вынес её в зал, следом за ребятами. Девчонки стали звонить в «Скорую помощь». Олег припал к плечу Вероники – к месту укуса, и стал высасывать из ранки яд, сплёвывая его прямо на пол.

– А я говори-ил!!! Предупрежда-ал!! – орал Артём, оправившись от шока. – Убить гадюку! И дело с концом.

На него зашикали.

– Да ну вас! – махнул он рукой и ушёл.

На удивление «Скорая» прибыла очень быстро. Санитары положили Веронику на носилки. Она открыла глаза и, обведя вокруг мутным взором, снова впала в небытие.

Олег поехал с Вероникой. Он ни на минуту не отходил от неё, держа её за руку.

Они прибыли в больницу. Олег направился за носилками, но врач не пустил его в смотровую комнату. Олег остался дожидаться результатов в коридоре.

Через несколько минут дежурные сестрички на каталке повезли Веронику в реанимацию. Врач следовал за ними, от парня он отмахнулся, как от назойливой мухи – не до тебя, друг.

Всю ночь Олег провёл в больнице. И только под утро к нему вышел врач.

– Кто она вам? – обратился он к Олегу.

– Невеста, – слегка замаявшись, ответил он. – Доктор, как она? – спросил в нетерпении.

– Жить будет, – устало сказал врач. Олег с облегчением вздохнул.

– Скажи лучше, как тебя угораздило змею домой приволочь?! – панибратски продолжил врач. – Хорошо вовремя всё сделали. И вы, там, на месте, и «Скорая»... А то не видать бы невесте жениха...

Ещё в приёмном покое Олег в общих чертах, сбиваясь и путаясь, рассказал о происшествии, так что доктор был в курсе.

– А мне можно к Веронике? – попросил он.

– Только когда в палату переведём. Пока она в реанимации, за ней медсестра присматривать будет. Ты иди лучше, поспи. Да и с гадюкой своей разберись.

Олег не знал, как вести себя с эфой. Получается, подтвердились слова матери о том, что животным, особенно змеям, доверять нельзя. Они, как незаряженное ружьё: когда-нибудь, да выстрелят. С ними надо быть осторожными. И, наверное, это плохая затея: приютить у себя гадюку. С этим надо что-то делать. Ситуацию надо как-то исправлять.

Хотя Олег и понимал, что агрессивное поведение эфы спровоцировал Артём, но не мог оставить её без внимания, не имел права пускать всё на самотёк. Он решительно, хотя и с опаской, открыл дверь в свою комнату. Но картина, которую он увидел, сразила его наповал и перепутала весь логический ход его размышлений.

Эфа находилась в своём домике. Положив печальную голову себе на хвост, она безжизненно смотрела в одну точку.

При его появлении эфа оживилась, вскинулась, но тут же виновато опустила голову.

– Что же ты наделала, глупенькая, – грустно сказал Олег, подходя к эфе.

– Я не хотела, – сказала эфа, – так получилось.

Олег уже не удивлялся тому, что понимал язык змеи. Ведь он разговаривал с ней постоянно.

– Прости, – попросила эфа.

Олег был растерян. Он не знал: что ему дальше делать.

– Попроси у Вероники прощение за меня, – сказала эфа, глядя в сторону. – Она хорошая. Вероника пришла в себя. Она лежала в отдельной палате.

Когда вошёл Олег, она слабо улыбнулась уголками губ, глаза её потеплели.

– Прости, любимая, – сказал Олег.

– За что? – слабым голосом спросила она.

– За всё. За эфу...

– Не вини её, – мягко прервала Вероника, положив на его руку слабенькую ладонь. – Она всего лишь животное, доведённое до отчаянья.

Олег был благодарен Веронике за понимание и доброту. Он впервые посмотрел на неё другими глазами. Он просидел возле постели девушки почти весь день, пока доктор не прогнал его. Пришёл и на второй день, и на третий...

Вероника оживала, с каждым днём ей становилось лучше. Чувства их крепили день ото дня.

Олег много думал об эфе и о том, что произошло. И понял, что ему надо пойти учиться в медицинский институт на ветеринарный факультет. Ему хотелось помогать животным, стать им другом. Между тем он продолжал ходить на занятия – просто решил закончить этот вуз, осталось-то совсем немного. А потом уже поступить туда, куда задумал. И в этом его никто не смог бы переубедить.

Но сначала Олег хотел сделать ещё один очень важный шаг в своей жизни, который хорошенько обдумал. Он понял, что любит Веронику. И, что это глубокое, непреходящее чувство. На всю жизнь.

Он пришёл к ней в палату с огромным букетом чайных роз. Она удивлённо вскинула брови.

– Вероника, – начал Олег, ненадолго замолчал, глядя в её огромные на похудевшем лице глаза, перебрал в уме фразы, означавшие одно и то же предложение, наконец, выпалил: – Я люблю тебя, выходи за меня замуж.

И посмотрел на неё растерянно.

Её глаза светились ответным теплом.

– Ты согласна? – обрадовался он.

От счастья не в силах сказать ни слова, она кивнула и обняла его. Они слились в нежном поцелуе.

– Да, совсем забыл, это тебе! – Олег протянул Веронике коробочку.

Она открыла. Там лежало золотое колечко. Он сам надел ей его на палец.

– Всё, – сказал Олег, – теперь ты моя невеста, мы с тобой обручены... обречены на вечную совместную жизнь.

Когда Вероника вышла из больницы, Олег официально попросил её руки у её родителей. И началась подготовка к свадьбе.

И всё было бы прекрасно, но тут затосковала эфа. Она знала о том, что Олег женится. Казалось даже, что относится к этому с пониманием. Хотя Олег не выставлял своих чувств напоказ перед эфой, она видела, что он счастлив. Но этого счастья разделить вместе с ним не могла.

Незадолго до дня бракосочетания эфа начала волноваться. Просто места себе не находила.

Олег был не на шутку встревожен.

Озарение пришло как-то вдруг.

– Я понял, – сказал он, глядя в её грустные жёлтые глаза. – Ты не можешь жить в неволе. У нас с тобой нет будущего.

После этих слов эфа успокоилась, но грусть не покидала её, наоборот, становилась всё гуще и насыщенней, пока обоих не накрыла с головой. Они понимали, что больше так продолжаться не может. Надо что-то предпринять.

– Может нам лучше с тобой расстаться, – после долгих раздумий предложил Олег.

Эфа качнулась, зашуршала, будто запела. И песнь её была печальной.

Олег отпросился в деканате на несколько дней. Купил билет на самолёт до Ферганы.

Вероника пришла попрощаться с эфой. Эфа вела себя дружелюбно.

– Береги его, – сказала эфа на прощание, – он тебя любит! И прости меня. Я не хотела тебя кусать. Это получилось случайно, – добавила она и посмотрела на девушку пронзительным виноватым взглядом.

Вероника не понимала, что говорила эфа, но чувствовала её расположение к себе.

– Она просит у тебя прощения, – перевёл Олег.

– Всё хорошо, – обратилась Вероника к эфе. – Я не держу на тебя зла.

– Ты добрая, – произнесла эфа. – Я буду помнить это всегда. Прощай.

Эфа стала спокойной, в ней вновь появилось достоинство. Змея и девушка расстались почти подругами.

Олег повёз песчаную эфу в Ферганскую долину. На том месте, где студенты вели раскопки несколько месяцев назад, он выпустил гадюку из клетки. Она бочком отпрыгнула в сторону и оттуда посмотрела прощально на Олега. И, хотя в глазах её застыла печаль, чувствовалась в ней и радость освобождения.

Олег улыбнулся и кивнул эфе ободряюще. Он подумал о том, что эфа изменила его жизнь. Никогда раньше он не задумывался обо всём многообразии живых существ, населяющих землю. Он не был жестоким, но и милосердным не мог себя назвать. Теперь он точно знал, что просто так даже жука не раздавит, и не будет охотиться, не станет убивать братьев наших меньших, ибо и они умеют чувствовать, переживать, и у каждого из них есть право на жизнь.

– Спасибо тебе, – сказал Олег. – Ты меня научила милосердию. Я никогда не забуду тебя. Прощай, эфа!

– Прощай, – ответила эфа.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Эфа думала о том, что и её, змею, жизнь среди людей многому научила, помогла постичь простые истины. Например, что и у них есть дружба и любовь, любовь, ради которой они могут жертвовать собой. Оказалось, что человек не такое страшное существо, что с ним можно дружить. Она теперь точно знает, что ни при каких обстоятельствах, не обидит человека. И не позволит сделать это своим собратьям.

Произошло главное: змея и человек научились слышать и понимать друг друга.

Не сговариваясь, Олег и эфа развернулись и отправились в разные стороны, каждый в свой мир.

Притяжение

В свой обеденный перерыв Лялька заскочила в торговый центр «Сити Молл» – муниципалитет, в котором она возглавляла отдел по связям с общественностью, располагался всего в пяти минутах езды. Забежала ненадолго, чтобы кое-чего из продуктов прикупить... Но разве можно было пройти мимо бутиков?!

В одном месте бросилось в глаза платье красное, короткое, прямого силуэта, слегка расклёшенное книзу, а самое главное, с длинным, а не четверть, рукавом – будто по ней шитое! Разве пропустишь! Потом розовато-серая блузка, просто загляденье, тоже напросилась в услуженье... Ну и юбка-карандаш, как тут и была! И без туфель не обойтись – к платью!

Взглянула на часики золотые. Обед заканчивался. Начальство строгое. Она и сама «начальство» у себя в отделе, и тоже строгое – с подчинённых дисциплины требовала, но и себе лишнего не позволяла. А как иначе?! Иначе и не спросишь с них.

Ещё раз бросила беглый взгляд на циферблат, стрелки, предатели, скакали, как кони на параде. А без продуктов не хотелось уходить, хоть время и поджимало. Всё рассчитала по секундам. Решила: успеет. Быстренько. Кофе растворимый – баночка, палочка салями... хват, хват, хват... Того, сего – по мелочам. Прямо на бегу. И – к кассе.

И вот она уже стремительно мчится, почти бежит по огромному холлу, огибая многочисленных посетителей, которые почему-то никуда не спешат, и это её ужасно злит. Полы растёгнутой длинной рыжей дублёнки развеваются по сторонам, белокурые волнистые волосы средней длины, словно грива на ветру, колышутся.

И тут прямо перед ней резко разворачивается мужик...

Она со всего хода врежется в него.

Коробки разлетаются во все стороны, пакет с продуктами разрывается, вываливая содержимое прямо под ноги. Весело разбегаются в разные стороны апельсины и яблоки наперегонки – тот ещё натюрморт.

– О! Не-е-т! – простонала остоленевшая Лялька, с ужасом глядя себе под ноги. – Этого мне только не хватало!

– И-извините, – произнёс растерянно мужчина в мешковатом сером пальто. – Я не хотел.

– Смотреть надо! – зло отрезала Лялька.

– Я сейчас всё соберу, – подобострастно ответил мужчина.

– Ладно уж, – отмахнулась Лялька, достала из сумочки запасной пакет и стала брезгливо скидывать в него рассыпавшиеся продукты.

Мужчина подбирал раскатившиеся в разные стороны апельсины, но они выскользывали у него из рук.

Ему стоило большого труда их собрать и вручить, наконец, хозяйке.

Но пара яблок всё же плюхнулась из его рук прямо под ноги Ляльке, вызвав в ней очередной всплеск раздражения.

Мужчина присел за яблоками, словно испугавшись чего-то, и очумелыми глазами снизу-вверх посмотрел на Ляльку, даже рот слегка приоткрыл, отчего полные его губы показались ещё толще.

Лялька взглянула на него пронзительно.

– Ну, что вы там копаетесь?

Раздражение на этого помятого нелепого мужика росло с каждой потерянной секундой. Не могла она позволить себе войти в кабинет позже своих подчинённых хотя бы на минуту. Она годами выстраивала авторитет непогрешимой леди! И вот он мог лопнуть в одно мгновение!

Лялька вырвала из рук остоленевшего мужчины яблоко и энергично направилась к выходу. А он так и остался стоять, глядя ей вслед, будто совсем забыл, куда и зачем шёл.

Ну, конечно, она опоздала!..

На целых пять минут!

Влетела, словно фурия. Сотрудницы, в её отделе работали только женщины, глаза опустили долу, пряча довольные ухмылки за озабоченно сдвинутыми бровями.

«Ну вот! – подумала Лялька. – Стоило только чуть-чуть оступиться, как сразу же началось. Даже секретарша смотрит непозволительно ехидно! Улыбочка какая-то кривая! – Накручивала себя Лялька. – Но надо держать „лицо“. Пусть только посмеет кто-нибудь. Хоть словом. Хотя бы намёком...»

Она готова была стереть в порошок всех и каждого.

Лялька внесла себя в свой отдельный кабинет, как вносят дорогую вещь, побросала покупки в шкафчик, и вызвала к себе секретаршу Машу, застенчивую девушку с лицом, усыпанным угрями.

– Слушаю, Лилия Васильевна.

– Это я тебя слушаю! – заорала на неё Лялька.

И... оторвалась по полной. Припомнив Маше и не вовремя набранный на компьютере отчёт по обращениям граждан за неделю, и сорванную встречу, и ещё много чего по мелочам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.